

Лёха редко плакал даже в детстве. Когда мать смазывала зелёнкой или йодом кровоточащие коленки, он только крепче стискивал зубы и с силой втягивал через них воздух.

— Каменный ты у меня какой-то уродился,— говорила мать и добавляла шлепка по заднице: не шляйся где попало, не дерись, не пачкай одёжку...

Отец Лёху за драки не ругал, а, наоборот, учил грамотно драться, и чтобы было всё по-честному: драться только с теми, кто сильнее тебя.

Отца мальчишка любил больше, чем мать. Да она всё больше с Наташкой возится: тютти-мутти, лялечка-малечка, как будто он, Лёха, большой! Ему тоже хотелось, чтобы мать его пожалела и приласкала, но той не до него было.

Отец рано стал брать сына с собой на рыбалку. Лёха помнит, как поймал своего первого налима — большущего, жирного, в длину, наверное, сантиметров двадцать, не меньше. Налим долго бил хвостом по песку, и Лёшке стало жалко его, хотелось отпустить, но отец сказал:

— Молодец, сынок, скоро настоящим рыбаком будешь.

Потом они сварили из этого налима и других мелких рыбёшек вкусную уху и долго сидели у костра, смотрели на закат и хотели дождаться рассвета. Но Лёха не дождался и уснул.

Потом он как-то без спроса взял отцовы удочки и со своими друзьями отправился туда же, рыбачить. Родители искали их всю ночь, а когда они вернулись, мать исхлестала

Лёху скрученным полотенцем так, что у него ещё долго не сходили с одного места тёмные полосы... Отец смазывал их какой-то вонючей мазью и приговаривал:

— Ничего, сын, мужчину шрамы украшают.

Отец с матерью часто ругались. Лёха сердился на мать: ну выпил папка, ну и что, все мужики выпивают, а она сразу скандал устраивать! Отец уходил из дома, ночевал в летней кухне или у бабушки — своей матери. Потом они развелись, и Лёха ушёл жить с отцом, а мать и не возражала — у неё и с Наташкой забот полон рот.

Да он особенно и не задумывался над их отношениями — у мальчишки в четырнадцать лет свои интересы и дела. Не успеешь уроки сделать — надо на тренировку бежать, а там и дискотека уже стала интересовать, а там и девчонки... То на танцы, то на речку — на каникулах вообще домой только ночевать приходил. Видел, что отец ходит на работу, иногда с мужиками пивка попьёт после бани... Как-то пару раз видел его с какой-то женщиной, но значения не придал.

Однажды, заскочив домой за чем-то, он застал плачущую бабушку и отца, складывающего в большую спортивную сумку какие-то вещи.

— Ты, пап, куда собрался? — без особого любопытства спросил Лёха.

— Куда-куда, — запричитала бабушка, — бросает он нас, на Север решил податься. На что ему этот Север сдался?..

— Не плачь, мать, обустроюсь там — заберу вас к себе.

Мать ещё пуще залилась слезами. Лёха ничего не понимал. Какой Север? Что ему, здесь плохо?

И вот отец уехал. Лёха долго стоял на опустевшем перроне, солнце пекло его непокрытую голову; когда затих вдалеке стук колёс, он пошёл на речку, подальше от того места, где они загорали обычно с ребятами, и пролежал там до самого вечера. Никого не хотелось видеть. Оказывается, он сильно любил отца, просто не замечал этого, когда тот был рядом, а теперь ему стало невыносимо больно: когда он теперь увидит его? Ему хотелось плакать, но слёз не было — не умел он плакать.

К матери не стал возвращаться, остался у бабушки. Потекли месяцы и годы. От отца приходили редкие письма — обычно открытка к какому-нибудь празднику. В каждом письме: ждите, скоро приеду, заберу вас... Однажды пришло письмо с вложенным фото: красивый, нарядный отец и какая-то молодая девчонка в белом платье, с цветами в руках — улыбаются оба! Отец писал, что женился, обещался, как обычно, скоро приехать.

Приехал он перед самой армией — два месяца осталось Лёхе гулять на свободе. У него уже была дочка, прелестное существо двух лет от роду, сестрёнка, значит, Лёхина. С «мачехой» он быстро подружился: молодая, всего-то на пять лет старше Лёшки, но хорошая, отца уважает, весёлая.

Лёха помогал ей стирать, гладить, возился с сестрёнкой.

— Вот получу квартиру, — заводил отец знакомую песню, — заберу вас.

— Да куда уж ты нас заберёшь? — бабушка только качала седой головой. — На что он мне сдался, тот Север? Дома помирать буду. Не забудь приехать на похороны, — не смогла удержаться она — обида была у неё всё-таки на сына: привёз какую-то вертихвостку.

Но потом сменила гнев на милость — новая невестка и ей понравилась.

А Лёхе что? Лёхе скоро в армию... У Лёхи свои заботы... Как быть с Оксанкой? Жениться до армии? Ага, потом будешь там мучиться: как она без него будет? Не жениться — того и гляди уведёт кто-нибудь, вон она какая!

Короче говоря, не до отца ему было, так и не поговорили толком. Теперь вот жалеет: может, у отца какие-то проблемы; показалось Лёхе тогда, что не очень-то весел отец, — да что уж теперь! И неизвестно, когда увидятся вновь. Дурак ты, Лёха, дурак: нет чтобы спросить отца о его житье-бытье, может, помочь в чём-то... Лёха и сам не предполагал, что расставанье с отцом будет для него таким тяжёлым: хотелось побежать вслед за поездом и всё исправить...

Заноза сидела в сердце ещё долго, а потом — армия, совсем другая жизнь. Там не до соплей! Пока проходили курс молодого бойца, он порой забывал, как самого себя

зовут, не то чтобы о ком-то ещё думать. Вообще, конечно, по первости в армии нелегко приходится, маму вспомнишь не раз... Лёха маму не вспоминал, всё больше Оксанку, мечтал о ней, переживал... Потом втянулся, ребята в роте хорошие, офицеры тоже не звери, а то ведь перед армией такого наслушался... Больше всего любил он ходить в караул. Стоишь себе на вышке, смотришь вокруг — красота какая! С одной стороны — бескрайняя тайга, с другой — голубая лента реки, вдалеке виднеется какое-то селение — не то маленький городок, не то большое село. Скучал, конечно, по родному городу, но теперь уж скоро, скоро увидит он свою Оксану.

Кое-чему в армии хорошо учат, на гражданке пригодится. Поженимся с Оксанкой (ждёт!), заживём своей семьёй, бабушку к себе возьмём. Невольно вспомнились детские годы: что это за семья была — одни скандалы да ссоры?..

Он видел, когда дежурил на КПП, какие семьи бывают. К ребятам приезжают родители, девчонки. Он поначалу завидовал ребятам, потом привык: некому к нему приехать, так что ж зря переживать, нервы портить? Оксанка могла бы приехать, да ведь так далеко, одной страшно в Сибирь ехать. Не декабристка всё-таки... У отца свои заботы. Бабушка писала, что он каждый год обещается приехать в деревню, да, видно, всё никак не выберется, билеты сейчас вон какие дорогие... Но, пишет, в этом году обязательно приеду, заберу тебя, мать, с собой. Куда там — заберу, хоть бы живую застал, ведь она совсем старая стала, больше лежит, смерти дожидается...

— Кокоулин,— прервал его размышления зычный голос сержанта,— дуй на КПП, там к тебе приехали!

Он не понял. К кому — ко мне? Кто? Кто может ко мне приехать? Ерунда какая-то... И вдруг его всего пронзило: отец! Отец приехал! Кто же ещё в эту глухомань приедет? Отец, батька, вот это да! Он летел, не разбирая дороги, только полы шинели разлетались! Сейчас увидит отца; сердце его колотилось, чуть не выпрыгивало из груди.

В караулке никого, кроме двух каких-то женщин, не было. А где же отец-то? Он обежал взглядом караульное

помещение, кинулся в комнату для посетителей — и там никого!

— Ты чего, Кокоулин? — удивлённо спросил дежурный Пашка.

— А где отец?

— Чей?

— Ну не твой же, Паша! Отец ко мне приехал, мне сержант сказал. Где он?

Тот непонимающе смотрел на Лёху.

— Ты чего, Лёха? Это вот к Караулову из пятой роты мать с бабушкой приехали. Больше никого нет. И не было.

Он плёлся назад в роту, еле передвигая ноги. Шёл мелкий противный дождь с ветром, хлестал по лицу. Поскользнувшись, он упал на четвереньки, вымазался весь в грязи. Сзади слышался сигнал автомобиля — его обогнал «уазик» комбата.

— Эт-т-то что такое?! — раздался визгливый голос командира части.— Почему в таком виде? Да вы что — вы выпивши?! А ну-ка: лечь — встать, лечь — встать, лечь — встать!..

Лёха машинально выполнял команду, голые руки скользили по грязи, порой по локоть въезжали под талую корку снега, но он не чувствовал ничего...

Ночью, когда казарма давно уже спала, лежавший на соседней койке Серёга, Лёхин дружок, услышал какие-то звуки, похожие на всхлипывания. Он приподнял голову, прислушался — тихо. Только стал засыпать — снова эти звуки...

— Лёшка, ты чего? — шёпотом спросил он.

Никто не ответил. «Показалось»,— подумал Серёга и тут же заснул.

Лёха лежал с закрытыми глазами, из-под век выползали и медленно скатывались по щекам горячие слёзы. Он осторожно слизывал их с губ, а они всё текли и текли...